

А Я В РОССИЮ, ДОМОЙ ХОЧУ...

А. Плотников

29 апреля 1945 года наша 84-я гвардейская стрелковая дивизия (бывшая 4-я ополченческая) после кровопролитных боев на косе Фрише-Нерунг преодолела последний рубеж противника, штурмом овладев военно-морским укрепрайоном. Из подземных казематов, бункеров, блиндажей в одиночку и группами выходят немцы с оружием и сдаются в плен. Их

набралось более 1000 человек, в том числе два генерала. Пушки смокли, нет больше разрывов снарядов и мин, пулеметно-ружейной трескотни. И это непривычно. Мы до того свыкались с грохотом войны, что мир и тишина казались нам необычными.

Наш артполк переходил на мирный распорядок, получив задачу оборонять северную часть косы Фрише-Нерунг, чтобы не допустить высадки десанта противника с моря.

Закончились бои, но мир еще не наступил. На больших площадях на косе были разбросаны боеприпасы, во многих местах оставались фугасы, минные поля, на которых подрывались солдаты и техника. Напряженная и опасная работа саперов продолжалась. Начали работу и флотские саперы по очистке от мин побережья косы.

Удивительная погода стояла в те дни. Все кругом оделось в белый весенний наряд. Все, кто побывал на войне, по-своему рассказывают и вспоминают о Дне Победы. Потому что у каждого он был свой, так же, как и своя война.

Ночью, свободные от дежурств, мы спали. Вдруг крик часового: «Тревога!» Быстро вскакиваем, хватаем оружие, выбегаем. Небо исполосовано трассирующими пулями и расцвечено многоцветными сигнальными и осветительными ракетами. Спросонья первая мысль была, что высадился морской десант фашистов. Но, когда увидели часового с восторженной до ушей улыбкой, палившего вверх короткими очередями из автомата, все поняли, в чем дело.

Вокруг стояла непрерывная стрельба. Радостный крик солдат, переживших войну. Слезы душили, и только два слова бились у

каждого в голове: «Победа!» «Живой!» «Победа!» «Живой!»... Этого дня все ждали долго, очень долго. Ждали и верили, что он настанет. И он настал.

9 мая к нам в дивизион приехали командир артполка полковник Н. Невский, его заместитель майор А. Кузьмин и начальник штаба майор Пуркин, поздравили с Днем Победы. С особым вниманием слушали артиллеристы выступление А. Кузьмина. Он один из немногих ополченцев полка прошел кровавый, тяжелый путь от стен подмосковного города Боровска до берегов Балтики. Затем возложили букеты полевых цветов на могилу павших в последних боях на косе. Прозвучали короткие автоматные очереди, последний солдатский салют.

Быстро прошли дни всеобщего ликования, и русло разговоров резко изменилось. Особенно у пожилых, семейных солдат. В полку в хозяйственной роте служил мой земляк из деревни Сурские Майданы Алатырского района Т. Анохин. Ему было около 50 лет, отличный портной, обшивал весь офицерский состав полка. Мы часто с ним встречались. А в эти дни в его разговоре я почувствовал, что у старого солдата сердце защемило тоской - домой захотелось. Домой! Хоть одним глазком взглянуть на свой дом, на деревню, увидеть жену, детей.

Родной землей запахло... Домой захотелось всем. Каждый понимал, что в хозяйстве ждут и не дождутся мужских рук, да и крестьянские руки истосковались по земле. В конце мая дивизия в полном составе была выведена в район г. Гумбиннена (ныне г. Гусев). Наш полк расположился на окраине города. Началась обычная военная служба.

Остались позади четыре года войны. Пройденный путь обозначен у многих орденами и медалями. Отражен документально в красноармейских книжках и знаками о ранении на гимнастерках. На этом пути война безжалостно переделывала нас на свой лад, приспособливала вчерашнего школьника, хлебороба, рабочего, учителя ко всему тому, что нужно на войне, ломала, гнула, морозила на снегу, порой держала на голодном пайке, бросала то в огонь, то в воду, то на госпитальную койку. Требовала больше убивать врагов. Теперь все это осталось позади.

Вскоре прошел слух, что 11-ая гвардейская армия будет переброшена на Дальний Восток для участия в войне против Японии.

Но увы, вскоре мы узнали, что грузятся в эшелоны войска 39-ой гвардейской армии, с которой мы прошли бок о бок с боями от Орши до Балтики. Во второй половине июня был опубликован указ о демобилизации. Под этот Указ попадали военнослужащие 1905 года рождения

и старше. Каждый стал прикидывать, когда дойдет очередь до него, и многие из нас загрустили. Выходило, что служить предстояло еще не один год. Несмотря на это, мы были очень рады за тех, кто начал собираться домой. Проводы были сердечные и торжественные. Каждому демобилизованному вручались подарки. С первой партией уехал и Тимофей Анохин. Тепло попрощались, я попросил его при возможности съездить в Вурнары, навестить моих родных.

Прошла реорганизация. На базе артиллерийского полка создавался учебный артдивизион, который должен быть центром подготовки и переподготовки специалистов для артиллерийских подразделений. В состав дивизиона включили и меня. Мы должны были подготовить классы, полигон, технические средства и материальную часть к прибытию призывников 1927 года рождения.

В начале июля меня вызвали в штаб полка. Вручили приказ о представлении месячного отпуска, без дороги, домой. Нехитрые солдатские пожитки были уложены и приготовлены к отъезду. Мне было выдано новое обмундирование, несколько кусков хозяйственного мыла, продукты, несколько круглых коробочек шоколада из трофейных запасов старшины.

И вот я на станции. Когда шел вдоль эшелона, то был несколько удивлен его грузом. На платформах стояли комбайны, молотилки, плуги, бороны и другая сельскохозяйственная техника. А в крытых двухосных вагонах скот, в основном коровы, черно-белой масти. Вот около одного из таких вагонов комендант остановился, кому-то крикнул. К приоткрытой двери вышел пожилой солдат. «Вот эти двое-отпускники,- сказал, указав на меня и капитана В.Романенко,- поедут с вами до Москвы». Солдат благожелательно на это среагировал, сказав: «Веселее будет».

Пришла пора прощания. Паровоз дал свисток отправления. Друзья попросили быстрее возвращаться и обязательно привезти русской водки, вручили письма родным, чтобы я поближе к их дому опустил в почтовый ящик. Вот мы и в вагоне.

Хозяин вагона последние три месяца проходил службу в команде, которая занималась сбором и комплектованием скота в гурты. На занятой нашими войсками территории находились тысячи голов скота, блуждающего по лесам и полям. Много его оставалось и в поместьях, хозяева которых бежали. Причем в этих помещичьих имениях было много скота, вывезенного с территории нашей страны.

Далее он рассказал, что такие же команды были созданы по сбору сельскохозяйственной техники. В брошенных имениях были наши комбайны «Коммунар», «Сталинец» и другая ростельмашевская техника.

В основном эшелоны с техникой и скотом идут в Калининскую, Великолукскую и Смоленскую области, как наиболее пострадавшие в ходе войны. Наш состав сопровождал представитель Калининской области.

Поезд покачивало, коровы улеглись и пережевывали жвачку. Все чаще встречаются на пути разрушенные села. Уныло торчат печные трубы сожженных домов, голые стропила кровли. Встречаются не засеянные поля, заросшие бурьяном. Закрадывается тревожная мысль, а сумеем ли все это возродить, поднять, дать жизнь земле, обильно полить кровью, нашпигованной металлом. Ход грустных размышлений прерывается негромким суждением хозяина вагона: «Ничего, разбили грозного и сильного противника, поднимем и порушенное. Вы подумайте, кто работал в войну на заводах и полях - женщины и подростки. Это они нас обеспечивали оружием, кормили, одевали и обували. А теперь мы, оставшиеся в живых, обязаны работать за двоих, погибших не вернешь». В его словах была та правда, которая позволила нашему народу за пять послевоенных лет поднять народное хозяйство и достичь довоенного уровня выпуска продукции. А в декабре 1947 года отменить карточную систему на продовольственные товары. И все это собственными силами, не вставая на колени перед заокеанским дядюшкой.

Большая остановка была на станции Орша. Здесь мы помогли хозяину натаскать воды и заполнить кадки, он напоил коров. Мы с Василием пошли смотреть станцию. Прошел год, как наша дивизия при поддержке 25-й танковой бригады полковника С. Булыгина, совместно с 16-й дивизией в ночь на 27 июня 1944 года овладела крупным железнодорожным узлом. Захвачены большие трофеи. Шесть груженых составов остались стоять на станционных путях. Впереди, после массированного налета наших бомбардировщиков, были взорваны все пути. Печальную картину в ту пору мы увидели. Железнодорожный узел лежал в руинах, водокачки были взорваны. Но мы сейчас были приятно удивлены, что железнодорожное депо восстановлено, даже поворотный круг работал. Кругом шли работы по восстановлению жилых домов.

Эшелон отсчитывал километры. С тормозной площадки хорошо просматривалась местность по обе стороны железнодорожного полотна.

Поезд шел по многострадальной, богатой историей, непримиримой к врагам территории Смоленщины. Местами нашему взору открывались большие поляны, несомненно, в прошлом это была пашня, но она давно уже не видела плуга, заросла высокой травой. Вот на взгорке показалась деревня, растянувшаяся вдоль полотна, на небольшой поляне играли ребятишки. Война смотрела на нас обгорелыми печными трубами, вокруг которых в поисках пищи бродили одичавшие собаки. В то же время мы видели и ухоженные огороды, засеянные поля, небольшие стада коров. Жизнь медленно, но верно входила в свою колею.

Поезд прогромыхал по стрелкам - мы въезжали в старинный русский город Вязьму. 13 марта 1943 года наша дивизия совместно со 144-й стрелковой дивизией 5-й армии в тяжелых боях овладела этим городом. Мой спутник Василий Романенко, в то время командир огневого взвода, рассказал о боях в ночь на 13 марта: «Взвод поддерживал передовой отряд стрелкового полка, который наступал в направлении железнодорожного депо и первым ворвался в город. Гитлеровцы защищались с яростью обреченных. В некоторые каменные дома они втащили противотанковые пушки и крупнокалиберные пулеметы, из которых вели огонь через дверные и оконные проемы. Из-за плотного огня пехоте по улицам наступать было невозможно. Все три орудия взвода встали на прямую наводку, и завязалась артиллерийская дуэль. Особенно удачно действовал расчет сержанта Проценко. Он меткими выстрелами заставил замолчать противотанковую пушку и два крупнокалиберных пулемета фашистов. Умело действовал и второй орудийный расчет. В этом бою был выведен из строя наш третий орудийный расчет, разбито орудие, наводчик и заряжающий убиты. Дорогой ценой приходилось брать каждую позицию. Понимая безнадежность сопротивления, фашистское командование приказывало поджечь город. Над ним вскоре поднялось зловещее зарево пожара. А ярость наших солдат возрастила, ведь они понимали, что, любое промедление может стоить жизни многим людям».

И вот почти через два года мы стоим на вокзальной площади Вязьмы. Многое восстановлено, особенно станционное хозяйство, кругом видны строительные леса, но глаза охватывают и неразобранные завалы битого камня и щебня. Троицкий собор, памятник архитектуры 17 века, стоит на возвышенности с полуразрушенным куполом. Война долго еще не уйдет из этого города. Об этом будут напоминать руины зданий и большое братское кладбище, где захоронены солдаты и мирные жители

города.

На четвертые сутки мы прибыли в Москву. Тепло простились с хозяином вагона. Столица удивила чистотой, ухоженностью. Попрощались с Василием. Поехал на казанский вокзал. В воинской кассе оформил билет. Вышел на перрон. Началась посадка. Вагон заполнился до отказа, даже третьи верхние полки были заняты.

Поезд тронулся. Улеглась вагонная суета. Военные стали выкладывать из вещмешков полученный в Москве солдатский паек. Появилась и бутылка водки. Солдатская общность и здесь сохранилась. Весь разговор - о доме. Как там живут родные, близкие? Что с хозяйством? Заботы были у каждого, многие не были дома почти четыре года. С этими думами и стал готовить себе нехитрую постель.

Утром проснулся рано. Остановка поезда, знакомый вокзал. Боже, Шумерля! Значит, скоро и Вурнары. Томительные минуты ожидания. О своем приезде в отпуск я никого не известил. Появились корпуса химзавода. Наконец, поезд остановился. Перрон полупустой. Встречающиеся прохожие с любопытством осматривают, а я никого не узнаю. Мне еще не верится, что я дома. Открывая калитку, вижу: мама из колодца вытаскивает ведро с водой. И вдруг повернула голову, увидев солдата с вещмешком и чемоданом в руке, растерялась. Ведро с шумом вновь плюхнулось в колодец. Едва успел к ней подбежать, она вся обмякла и лишь шепотом промолвила: «Леля, это ты?» Ее душили слезы. Придя немного в себя, подняла голову, видно, еще раз хотела убедиться, что перед ней сын. Ее черные глаза по-прежнему влажно блестели, а лицо осунулось, побледнело. Чувствовалось, что с избытком натерпелась за четыре страшных года войны. Ведь трех сыновей проводила на фронт. На старшего, Бориса, получила похоронку в 1942 году. Второй сын - Герман - на шесть месяцев по инвалидности приезжал домой, потом снова на фронт. У сестры Нины муж тоже в армии. На ее руках четверо детей, старшей 10 лет. Немало слез пролила мать, немало ранней седины появилось в ее волосах.

Первая встреча после войны была и радостной, и печальной. Впервые ощутил всю тяжесть ноши, лишений военных лет, которые люди несли в тылу. Сестра работала бухгалтером в райлесзаге. Выходных не было. Кроме основной работы, надо было помогать колхозу в уборке урожая. Но самой тяжелой была работа по заготовке дров. Распилив деревья, их везли на станционные пути для топки паровозов. Среди лесозаготовителей преобладали женщины и дети. Трудились они и в дождь, и в снег.

В эти трудные годы людям помогли выжить личные огороды и выделяемые предприятиями и организациями земельные участки. Мама и сестра держали кроликов, затем завели козу, чтобы хоть немного обеспечивать ребятишек молоком. Каждая семья, несмотря на каторжный труд, делала все возможное, чтобы сберечь детей. В разговорах сестры и мамы улавливалась надежда на лучшее будущее.

А мне, хотя хлопот и забот по дому было много, захотелось встретиться со школьными друзьями.

Рядом с нами жил Вася Тырлышкин. Я знал о его нелегкой фронтовой судьбе, но все же решился на встречу. Подошел к дому, открыл калитку. Во дворе парнишка укладывает в поленницу наколотые дрова. Когда я спросил, дома ли Вася, он, ни слова не говоря, повел меня в дом. Зашли. За столом сидел в старенькой гимнастерке усталый, болезненного вида человек. Повернув голову в нашу сторону, он спросил: «Колька, кто к нам пришел?» Я ответил: «Лешка Плотников». После минутного замешательства Василий сказал: «Понимаешь, Леша, война меня под корень подрезала, я как искалеченное дерево. Пытаюсь жить, но внутри у меня все выворочено». Поведал о своей трагической судьбе: три года плена, адские условия, унижения, голод и холод. В двадцать три года остался незрячим. К чести Василия, он не сломался. Нашел в себе силы, работал, обзавелся семьей. Но война шла за ним по пятам, рано ушел Тырлышкин из жизни, не выдержало сердце.

В один из вечеров решил навестить дом близкого друга Миши Аполосова. Знал, что переступить порог дома товарища, оставшегося на войне, смотреть в глаза матери - это, может быть, труднее, чем в окопе... И все же пошел. Мама Миши сразу меня узнала и с радостно-печальной улыбкой обняла, успев сказать: «Леша, ты вернулся совсем?» А у самой из глаз хлынули слезы. Материнская боль прорвалась наружу. Долго приходила в себя. Когда успокоилась, только и сказала: «Не могу смириться, что нет Миши!» Показала похоронку, где написано: «Погиб смертью храбрых в боях за Родину старший сержант М. Н. Аполосов...»

Получили извещения и родители моих школьных товарищей Володи Сидорова и Вали Кровякова. Их считали пропавшими без вести. Погиб в октябре 1942 года под Сталинградом наш молодой учитель немецкого языка А. Евдокимов.